духовные учреждения образования) активно работают на огороде и выделенном участке поля. Питание семьи священника было скромным. Чаще всего это были овощи и фрукты, выращенные на огороде, хлеб, каши, ягоды, квас, репе – варенье. Мясо ели на большие православные праздники. Подобный стол был обусловлен материальным вопросом и наличием частых постов. [3, с. 26]

Обычно браки заключались не по любви, а по договоренности, чтобы получить место священнослужителя в приходе. Если учитывать данный факт и прибавить к нему тяжелое материальное положение сельского пастыря, то на этой почве нередко возникали конфликты между мужем и женой. Но так как разводы были запрещены, а точнее влекли за собой потерю сана, то священники со своими женами продолжали жить вместе, однако межличностные взаимоотношения в семье были конфликтными, не счастливыми, доставляли неудобства, как клирику, так и его супруге. Такая ситуация была характерна для многих семей представителей духовенства, однако, конечно же, не для всех.

Одежду в повседневной жизни представители православного сельского духовенства носили характерную для священнослужителей – подрясник и рясу. Особенностью тут было только то, что чаще всего подрясник и ряса были старыми и потертыми, а у самого пастыря был только один комплект богослужебного одеяния. Если клирик занимался сельскохозяйственной деятельностью на своем участке, то были выявлены случаи, когда он был одет в подрясник либо в характерную одежду для крестьян: штаны, рубаху, лапти. [7, с. 23]

На примере Вятской епархии было проведено исследование и выявлено, что увеличивалось число случаев отклоняющегося поведения приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX вв. Основными пороками были пьянство и азартные игры. Если же рассматривать западные губернии Российской империи, то стоит отметить, что случаев такого рода поведения не было зафиксировано в официальных епархиальных документах. Только в Минских епархиальных ведомостях была замечка о том, что среди приходского духовенства случаи злоупотребления спиртными напитками и пьянства случались крайне редко. [7, с. 5-6]

Таким образом, обобщая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, сельское православное духовенство в 1861-1914 гг. имело большие материальные трудности, многие жили за чертой бедности и находились в денежной зависимости от прихода. Проживали священники в общественных домах как сотрудники церкви, однако права собственности на него не получали. При возможности они могли построить свой дом, но это было сопряжено с рядом трудностей и в большинстве случаев невозможно к исполнению. Для того чтобы прокормить себя и свою семью, пастырю приходилось заниматься сельским хозяйством на равне с крестьянами, отчего страдал уровень богослужебной и просветительской работы.

Взаимоотношения с прихожанами выстраивать было достаточно сложно из-за материального вопроса, поверхностной веры среди крестьян. Священник не имел личного и внерабочего времени и в течение всего дня занимался церковными делами.

Браки среди священнослужителей совершались в большинстве случаев с представительницами своего сословия и по предварительной договоренности. Семья клирика была образцом межличностных взаимоотношений между мужем, женой и детьми для своего прихода с одной стороны, терпела множественные внутренние конфликты, с другой стороны.

Судьба детей православного духовенства была определена заранее: мальчики получали духовное образование и рукополагались в священник, девочки получали начальное духовное образование и становились женами священнослужителей.

Повседневный быт и традиции православного сельского духовенства совмещали в себе черты жизненного уклада священнослужителей и во многом пересекались с бытом представителей сословия крестьян. Таким образом, сельское духовенство как привилегированное сословие было чисто номинальным.

Литература:

1. Виленские епархиальные ведомости. – Вильно. – 1869. – № 39. – 52 с.
2. Гродненские епархиальные ведомости. – Гродно. – 1905. – № 20-21. – 32 с.
3. Гродненские епархиальные ведомости. – Гродно. – 1905. – № 24-25. – 32 с.
4. Гродненские епархиальные ведомости. – Гродно. – 1910. – № 42-43. – 48 с.
5. Корнилов, И.П. Русское дело в Северо-Западном крае / И.П. Корнилов. – СПб, 1907. – 96 с.
6. Леонтьев, Т.Г. Церковные браки / Т.Г. Леонтьев // Гродненские епархиальные ведомости. – Гродно. – 1905. – № 28-29. – С.14-16.
7. Минские епархиальные ведомости. – Минск. – 1887. – № 12. – 60 с.
8. Могилевские епархиальные ведомости. – Могилев. – 1906. – № 5-6. – 32 с.
9. Смолич, И.К. История Русской Церкви (1700-1917) / И.К. Смолич. – Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994. – 168 с.

Священник Павел ЛУКИН

клирик Свято-Иверского храма г. Бобруйска

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД НА РУБЕЖЕ XIX - XX ВВ.

В 2017 году мы вспоминаем 100-летие Октябрьской революции. Этот переломный момент разделит две эпохи – государства с господствующей Православной верой – Российской Империи, и светского атеистического – СССР.

В чём же причина этой трагедии для Церкви?

Причина в самой Церкви, в проблеме Её земного устройства. Произошло затухание в Церкви первохристианского духа, можно констатировать фактическое отсутствие евхаристического собрания, юридически у нас называемого приходом.

Прот. Николай Афанасьев пишет: «Где нет Евхаристического собрания, там и нет и царственно-

священнического служения верных, т.к. там нет и служения Церкви». [1, с. 37] Это цитата недвусмысленно показывает парадоксальный момент – Церковь как организация существовала, но должного служения в «мире сем» не несла. Это стало заметно к концу Синодальной эпохи, начались попытки возродить истинный дух Церкви.

В начале XX в. в церковной среде началось активное обсуждение будущего Поместного собора, который должен был возродить многое в Церковной жизни, дать ей новый импульс к развитию. В 1906 г. было создано Предсоборное Присутствие – особый орган, который должен был осуществить очень сложную и важную подготовительную богословскую и каноническую работу. Отдельный IV отдел занимался вопросами приходской жизни, областью, где реформы назрели давно.

К исследуемому периоду право открытия новых приходов принадлежало исключительно епископу. Финансирование происходило без участия прихожан. Государственное жалование церковному клиру отделило их от народа, добровольные пожертвования перестали рассматриваться как важный доход. Простые люди всё меньше допускались к организации приходской жизни. К концу XIX в. всё это привело к кризису приходской жизни: приход теряет практически все свои внерегиональные функции и перестаёт быть общинным центром. [8, с. 270] Многие традиции, связанные с приходской жизнью в это время теряются, посещение храма является скорее повинностью, чем добровольным волеизъявлением человека. Почти повсеместно пропала выборность духовенства, характерная для допетровской эпохи. Исчезла замечательная традиция русской приходской общинности – совместные трапезы (братчины). Практически изжил себя институт церковных старост. В просветительской и благотворительной деятельности приход не участвовал. Единственным поводом для собрания прихода порой был сбор средств на строительство новых зданий или ремонт существующих. В итоге можно сказать, что приход теперь объединял исключительно молитвенно-литургическую жизнь.

Пассивность прихожан является предпосылкой для ослабления прихода. Именно об этом говорит известный церковно-общественный деятель А.А. Папков, когда критикует неправославную формулу об активном (посвященном) элементе в Церкви в лице клира и пассивном (непосвященном) в лице мирян. [7] Сами понятия клира и мирян, используемые в традиционных учебниках, подразумевают глубинное разделение в обществе верующих, чего нет в учении Церкви. В своих рассуждениях, Папков ссылается на мнение священноисповедника Никодима (Милоша), выраженное в его книге «Православное Церковное право». В ней сказано: «в Церкви все ее верующие члены святы и суть живые члены тела Христова и, как таковые, все верующие миряне, вместе с иерархию, составляют одно священство; своими молитвами при богослужении они вступают в таинственную сторону священнического служения; вместе со священником молитвенно призывают на литургии Духа Святого на принесенные дары; вместе с епископом молятся о сошествии благодати небесной на рукополагаемого. Одним словом, верующие миряне бывают соучастниками каждого общественного богослужения в церкви, принимая, таким образом, активное участие и в этой отрасли церковной власти, к которой в частности, призваны члены иерархии». [4, с. 247-248] Даже в классических учебниках идея «всеобщего священства» в Церкви (согласно 1 Петр. 2:9), не могла быть отвергнута. Также в вышеупомянутой книге говорится о надлежащем месте мирян в других сферах церковной жизни – учительной и управленческой. Таким образом, вслед за Папковым, мы можем сделать вывод о том, что активность мирян в Церкви богословски и канонически оправдана. Причиной же роста приходского кризиса является незнание действительного учения Церкви.

Попытки изменить ситуацию и оживить приходскую жизнь, в официальных документах Церкви, концентрировались вокруг внешних форм существования прихода: проповедничество, благотворительность, юридический статус, устройство управления и т.д. Естественное стремление мирян к действию в Церкви, не находя своего правильного выражения, концентрировалось в правовой сфере. [1, с. 38] Нигде не было сказано о возрождении Литургической жизни Церкви. Православное богословие было настолько парализовано влиянием схоластических форм и рациональных построений классического школьного богословия, что совершенно не могло возродить в себе ощущение присутствия живого Христа, чьи Святые Тело и Кровь преподаются верующим на Божественной Литургии. Сам факт того, что о церковной, приходской жизни спорят и рассуждают не священники, а люди не облеченные в сан, говорит о том, что традиционное семинарское образование, которое получали пастыри, потеряло связь с живой церковной традицией. Только оторвавшись от привычных взглядов на Церковь и переоценив многое, можно было выйти из кризиса.

Прежде всего, следовало обратиться к рассмотрению практики участия верующих в Таинстве Евхаристии. Причащение перестало рассматриваться как основа повседневной духовной жизни человека. При этом стали проявляться идеи освящения человека через всевозможные религиозные действия и знаки, вплоть до простого присутствия в храме на богослужении. Безынициативное отношение мирян к приходской жизни, проявилось, прежде всего, в их пассивном участии в богослужении, в Таинстве Евхаристии, в крайне редком Причащении Святых Тайн Христовых. Это неминуемо сказалось на увядании и «банкротстве» приходской жизни.

Нормой в Синодальную эпоху было приступать к Таинствам Исповеди и Причастия раз в год, в Великий пост. Беспокойство вызывали те прихожане, которые не были у Святого Причастия более трёх лет. [2, с. 14] Так, например, в Архиве Минской духовной консистории мы находим дело от 1881 г., [5] в котором священник Теребежовской церкви Пинского уезда Михаил Шнек, жалуется на ряд лиц не бывших долгое время у Св. Причастия. Свидетелями его жалобы являются прихожане, которые в документах называются благонадежными, поскольку у Исповеди и Св. Причастия бывают ежегодно. Таким образом, мы видим, что подобного рода ритм считался благочестивой нормой в то время, и никто не стремился часто приступать к Таинствам.

Это отражалось на отношении людей к Божественной Литургии, которая в их понимании не отличалась ничем особенным от других служб. В связи с тем, что до Революции 1917 г. повсеместной была традиция служить Утреню, как полагается, с утра, многие прихожане довольствовались пребыванием на ней и на Литургию не оставались. Показательным является дело из архива Минской духовной консистории, в котором видно трагическое непонимание сути происходящего на Литургии и принципиального значения, которое

занимает эта служба в жизни Церкви.

В 1890 г. разбиралось дело, по которому священник Хоинской церкви Леонтий Теодорович обвинялся в оставлении начатого всенощного бдения в день Преображения Господня 6 августа.

Из материалов дела видно, что в день праздника на Утрне, после поклонения иконе и помазания елеем, крестьяне стали массово выходить из храма. Священник Леонтий был потрясен этим фактом, и стал призывать ушедших вернуться, т.к. служба не закончена. Ввиду отсутствия реакции на его слова, он вышел из церкви, а затем в облачении прошел до Волостного Правления, где собралась большая часть ушедших со службы людей. После его вразумлений некоторые вернулись, но большая часть не вняла его просьбам. Тогда священник стал просить помощи у государственной власти, но и это не помогло. Возмущившись духом, он был вынужден немного прогуляться и успокоиться, а затем после этого вернулся и закончил службу. [6, Л.2]

С обычаем ухода из церкви раньше срока священнику справиться не удавалось. О. Леонтий жалуется, что «бывает на Великом Славословии в храме остаются только клирики храма». [6, Л.19]

Мотивов ухода прихожан со службы до конца выяснить не удалось. Можно сослаться на местный обычай, который показывает невежество прихожан. «Выстаивание» службы (т.н. слушание) являлось формой повиновения уставу и порядкам, а не живой молитвы к Богу. Для прихожан храма, было достаточно поприсутствовать на первой части утренней службы, приложиться к иконе и принять помазание, чтобы считать себя приобщенными к великому празднику. Им было известно, что после утрени будет служить Божественная Литургия, на которой будет совершаться Таинство Причащения, но потребности быть на ней они не ощущали. Именно с этим болезненным мировоззрением и столкнулся священник Леонтий на своём приходе. Его это покоробило как пастыря.

В консистории, после разбирательства, хоть и приняли в счет сложившиеся обстоятельства, священника не оправдали. Ему дали строгий выговор, напоминая ему о святости места и важности священнического звания. По их мнению, священнику следовало продолжать службу, как ни в чем не бывало, несмотря на то, что большая часть прихожан покинула храм и самую главную службу, Божественную Литургию, приходилось совершать в присутствии немногих людей.

Трудно представить, что ситуация могла измениться только указами и вразумлениями. Была необходима масштабная переоценка ценностей, восстановление утраченного первохристианского общинного духа.

Эпоха литургического возрождения в её богословском смысле началась уже не в Российской Империи, а в эмиграции. Там, учение о Церкви, было развито русскими профессорами, по большей части, преподавателями Свято-Сергиевского богословского Института в Париже.

Уйдя от государственного плена Церковь, сконцентрировала своё внимание на учении о Себе Самой, на экклезиологии. Прот. Николай Афанасьев пишет: «Священническое служение всех членов Церкви находило свое выражение в Евхаристическом собрании. Никто не мог принимать участие, по выражению псевдо-Ареопагита, в «священно-совершительной Евхаристии», не будучи поставлен в звание священника Бога Вышнего». [1, с. 4] Это поставление совершалось в Таинстве Крещения и Миропомазания. Центральным же местом жизни Церкви является – совместное служение благодарения. Таким образом, именно вокруг служения Евхаристии выстраивается правильное восприятие Церкви.

Для принципиального решения проблемы приходского кризиса и активизации мирян в Церкви, необходимо было определить служения, в которых они могут участвовать. Согласно современному догматическому учению служение в Церкви выражается в трёх направлениях: священнодействии, управлении и учительстве.

О совместном священнодействии говорилось в цитатах еп. Никодима и прот. Николая Афанасьева. Следует добавить, что учение о всеобщем священстве в Церкви напрямую связано с главным таинством – Евхаристией. При изучении чина Литургии, видно, что все молитвы благодарения – общие, потому что не один священник приносит благодарение, но и весь народ. Область священнодействия не только открыта мирянам, но без их участия священнодействия не могут совершаться в Церкви. Служение предстоятеля (священника) на Литургии отличается от служения мирянина, оно иное, но само богослужение совершается только при их совместном действии.

Касаясь вопроса участия мирян в церковном управлении, следует упомянуть о Поместном характере управления Церкви и о его главе Епископе. Следует учитывать ту огромную ответственность, которая возложена на предстоятеля Церкви. С первых веков христианства епископ совершал управление совместно с народом Божиим, достигая с ним consensus т.е. согласия. Свт. Киприан Карфагенский пишет в одном из писем: «с самого начала епископства моего я положил за правило ничего не делать по одному своему усмотрению без совета вашего (пресвитеров) и без согласия народа». [Цит. по: 1, с. 64] Эти слова святителя показывают, что в Древней Церкви епископ действовал в среде народа, а не отдельно от него. Согласие подразумевает осведомленность народа о происходящем в церковном управлении и доверие к его главе – епископу. Во всех сферах действия священноначалия важна прозрачность и открытость.

Можно добавить, что всё это должно совершаться вокруг общего церковного собрания – Евхаристии, которое и есть действительное служение Церкви, где каждый действует не по своей воле, а по воле Божией.

Похожим образом решается и вопрос об участии мирян в учительном служении Церкви. 64 правило Трулльского собора гласит: «Не подобает мирянину пред народом произносить слово или учить, и тако брати на себя учительское достоинство, но повиноваться преданному от Господа чину, отверзати ухо приявшим благодать учительскаго слова, и от них поучаться божественному». [Цит. по: 1, с. 71] Исходя из этих слов, Церковь определила учительское служение исполнять епископу, как главному пастырю. Именно он имел право проповедовать на собраниях. Пресвитеры проповедовали в церквях с ведома и разрешения епископа. Народу в этой области принадлежит роль испытателя, т.е. свидетеля того, что поставленные Богом для учительства, не искажают истинного учения Церкви, а учат согласно воле Божией. В этом случае предполагается, что народ знаком с учением Церкви и для него истины, провозглашаемые на собраниях, являются близкими и понятными.

Таким образом, в воссоздании приходской жизни, следует начинать с раскрытия церковного вероучения в области экклезиологии. Именно здесь заложены инструменты к оживлению общинной жизни. Зараженная государственным юридизмом, церковная жизнь, потеряла настроение первохристианской общины, разучилась распознавать Духа Святого, живущего в Церкви. Это отразилось на радикальном размежевании клира и мирян, как «посвященных», обладающих юридическими правами совершать служение, и «непосвященных», не имеющих прав, а способных лишь получать их от священноначалия.

Оживление прихода должно быть напрямую связано с «Литургическим возрождением», которое неминуемо внесет желаемую активность в жизнь церковного собрания.

Литература:

1. Афанасьев, Н., протопресвитер. *Церковь Духа Святого / протопресвитер Н. Афанасьев.* – Париж: Издательство «YMCA-PRESS» – 326 с.
2. Балакишина, Ю.В. *Братство ревнителей церковного обновления (группа «32-х» петербургских священников), 1903-1907: Документальная история и культурный контекст / Ю.В. Балакишина.* – М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2015. – 424 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: РБО, 2009. – 1300 с.
4. Никодим (Далматинский), епископ. *Православное Церковное Право / епископ Никодим (Далматский).* Спб: Издание В.В. Комарова, 1897. – 708 с.
5. Национальный Исторический Архив Беларуси (НИАБ). Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 35761. Дело о небывших у исповеди и Св. Причастия некоторых прихожан Теребежовской церкви. 1881 г. – 22 л.
6. Национальный Исторический Архив Беларуси (НИАБ). Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36189. Дело по обвинению священника Хоинской церкви Леонтия Теодоровича в оставлении начатого всенощного бдения в день 6 августа 1890 г. 1890 г. – 48 л.
7. Папков, А.А. *О благоустройстве православного прихода. С приложением проекта приходского устава / А.А. Папков.* – Спб, 1907. – 64 с.
8. Стефанович, П.С. *Приход и приходское духовенство. XVIII-XIX вв. / П.С. Стефанович // Православная Энциклопедия. Т.: Русская Православная Церковь.* – М. – Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная Энциклопедия», 2000. – Т. Русская Православная Церковь. – С. 267-275.

ЛИБОНИ ДИОНИСИЕ

МАГИСТР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, АСПИРАНТ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. АЛЕКСАНДРУ ИОАНА КУЗЫ, ЯССЫ, РУМАНИЯ

РЕАЛИИ «КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА». КОНТРОЛЬ НАД ПРОЦЕССОМ СТРОИТЕЛЬСТВА ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОДОВ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СОЗДАНИЯ ЕДИНООБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ ОПЕКИ НАД ЦЕРКОВЬЮ (40-Е ГГ. XIX В.)

По мнению историка Роберта Крюза, Российская империя являлась по природе своих отношений с подданными – «конфессиональным государством», так как внутривластные отношения строились не только на этнических и сословных началах (основные маркеры идентичности любого жителя империи), но и на принадлежности к церкви и степени активности в ее рамках. Современные ключевые монографии и этюды о религиозных аспектах государства Романовых находят связь между устойчивостью существования империи и особой маневренностью в области конфессиональных отношений. Способность интегрировать и адаптировать, а также включать церковных лидеров в деле «социальной картографии» становились более чем весомыми в задачах власти [3, с. 271]. Упомянутые выше религиозные инструменты представляют особый интерес для любого исследователя отношений между государством и церковью. Остается достаточно ценным историческое направление, заданное Полом Вертом, заключающееся в рассмотрении религиозных вопросов в ключе общего имперского портрета ключевых проблем как: нациестроительство, внешнеполитические отношения и развитие законодательного процесса [5, с. 67]. Инициативы государства: кодификация и упрочение контроля над деятельностью местных властей, опыт Наполеоновской Франции, хоть и принятый в урезанной форме, повлиял на повышение комплексности политических структур в области церковных дел [2, с. 23]. Государство было заинтересовано не только своею безопасностью, но и православной церкви как первый элемент знаменитой триады, составленной графом Уваровом.

Религиозная политика во время царя Николая Первого охарактеризовалось идеей государственной протекции и опекой церкви в двух главных направлений – верховенство и преобладание православного культа в контексте идеологической политики и обеспечение структурного единообразия всех признанных конфессий. В пору революционных преобразований, Самодержавие пыталось преподнести абсолютные, вечные ценности населению как противовес новым реалиям из Франции [1, с. 58-59]. В рамках данной стратегии, моральная «архитектура» общества должна было вытекать собственно в формах церкви. Например, помещик или сообщество прихода представляли на одобрение план постройки сооружения. Порой, перестройка становилась более сложной операцией из-за необходимости поддержания прежних контуров и особенно, алтаря. В противном случае, проведения работ стало бы невозможным. В начале 19 века, не только мнение церковных властей, но и светских учреждений становились обязательными для составления схем построек и для снабжения утварью [6]. Количество построек церквей в России пошла на убыль по сравнению с «александровским» периодом приблизительно на 10-12% [10]. С точки зрения властей, успешность строительства церквей должна было продемонстрировать народную верность царской воли и наличие этически-морального здоровья. В условиях